

ФОРМУЛА ВОЗМЕЗДИЯ

КНИГА 1

АЛЕКСЕЕВ СЕРГЕЙ

Сергей Алексеев

Формула возмездия. Книга 1

«Автор»

2026

Алексеев С.

Формула возмездия. Книга 1 / С. Алексеев — «Автор», 2026

Вера Данилова — ведущий фармаколог и руководитель научной лаборатории, привыкшая верить только фактам и точным расчетам. Отказ подписать фальшивый протокол испытаний стоит ей жизни в собственном мире. Но вместо темноты она открывает глаза в промерзшей башне пограничного форпоста — в теле опальной герцогини Элеоноры Вальден. Законный муж сослал молодую жену на верную гибель. В оловянной плошке с утренним бульоном уже плавает отравы. А на пороге крепости умирает от редкого боевого яда принц Дамиан Ливен — единственный человек, способный бросить вызов всесильному регенту. В мире, где придворные лекари лечат гангрену заговорами, а маги огня выжигают целые заставы, у Веры нет родового дара. Зато у нее есть холодный разум врача с железной выдержкой и безупречное знание прикладной науки. Чтобы выжить, ей придется превратить заброшенную кузницу в аптекарскую мастерскую, спасти обреченных и вернуться в столицу прямо на свадебный пир собственного убийцы.

© Алексеев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Алексеев

Формула возмездия. Книга 1

ФОРМУЛА ВОЗМЕЗДИЯ

Книга первая

Оглавление

- Глава 1. Дозировка на один глоток 3
- Глава 2. Черный сокол в грязи 23
- Глава 3. Эпидемия по расписанию 33
- Глава 4. Завод на руинах 44
- Глава 5. Слепой огонь 53
- Глава 6. Цена фальшивого золота 59
- Глава 7. Дорога на эшафот 67
- Глава 8. Яд в хрустале 75

Глава 1

Дозировка на один глоток

Защитное стекло вытяжного шкафа глушило гул компрессора.

Вера Данилова перекрыла клапан охлаждающего контура. На цифровом дисплее спектрометра замерли контрольные показатели. В кварцевой кювете мерцала прозрачная жидкость: экспериментальный нейрокомплекс «Веритас». Завершающий этап проверки препарата для прицельной блокады болевых узлов.

На настенных часах лаборатории светились зеленые цифры: 02:40.

Сзади щелкнул магнитный замок гермодвери. В бокс вошел Марк Вершинин, генеральный директор фармацевтического холдинга «Апекс-Био». На мужчине был кашемировый пиджак без защитного халата и бахил.

— Ты задерживаешь подписанный график, Данилова, — Вершинин остановился в метре от рабочего стола. — Я ждал финальный протокол к полуночи.

Вера стянула латексные перчатки и отправила их в мусорный бак для биоотходов.

— Седьмая группа подопытных образцов погибла в первый же час после введения. Поражение тотальное. Препарат вызывает необратимый спазм дыхания и сбой сердечного ритма. Его нельзя выпускать в клинику.

Вершинин вынул из кармана пачку сигарет, повертел пальцами и спрятал обратно.

— Инвестиционный контракт на девяносто миллионов евро закрыт в пятницу. Транш упал на швейцарские счета холдинга. Совет директоров выходит на биржу в следующий понедельник. Твои графики остановят сделку.

Он помолчал и добавил тише:

— Я не чудовище, Данилова. Формулу доработаем в пострегистрационной фазе — так делает половина рынка. Если сделка рухнет, холдинг умрет, а с ним три тысячи рабочих мест и фонд детской онкологии, который мы содержим восемь лет. Я предлагаю тебе соавторство, любую лабораторию мира и график, который ты напишешь сама. Подпиши протокол.

— Это смертельный токсин, Марк. Я передала копии протоколов в надзорный комитет сорок минут назад. Утром лабораторию опечатает инспекция.

Лицо Вершинина потеряло подвижность. Несколько секунд он смотрел на нее молча, словно все еще ждал другого ответа.

— Ты не оставила мне выхода, — сказал он ровным, бесцветным голосом.

Он достал из ниши массивный баллон аварийного газового контура, сорвал пломбу и швырнул емкость в вентиляционную шахту за вытяжкой.

После этого директор шагнул обратно за порог шлюза и вдавил клавишу ручной блокировки на внешней панели.

Тяжелая дверь встала на ригели с сухим лязгом.

Из вентиляционной решетки под потолком с ревом ударила белая струя ледяного поглотителя воздуха. Замкнутый объем бокса заполнился вытесняющим туманом за считанные секунды. Красный датчик тревоги залил кафель алым светом.

Вера бросилась к аварийному щитку. Рубильник сброса давления висел мертвым куском пластика: Вершинин обесточил контур через главный распределитель.

Холод заполнил дыхательные пути. С каждым вдохом тяжелый газ вытеснял воздух из груди. Пальцы одеревенели, колени подломились. Вера упала на плитку, фиксируя в угасающем сознании последние признаки: падение пульса, угасание зрения, остановку дыхания.

Тьма закрыла глаза.

* * *

Падение длилось долю секунды, а затем в затылок ударил чужой, ледяной мир.

Память чужого тела вошла в мозг плотной волной боли.

Три недели назад. Столица королевства Ольмер. Роскошная гостиная герцогского особняка.

Элеонора Вальден сидела в кресле, глядя на своего мужа. Герцог Родриг Вальден стоял у камина в алом офицерском мундире с золотой перевязью. На кончиках его холеных пальцев то и дело вспыхивали искры родовой магии огня.

— Завтра утром ты отправляешься на северную границу, в Белый Утес, — бросил Родриг, стряхивая пылинку с манжеты. — Горный воздух полезен для твоего кашля.

— Это ссылка, Родриг, — голос Элеоноры дрожал. — Ты делаешь это ради принцессы Аурелии. Вчера ты танцевал с ней весь вечер.

Герцог усмехнулся. В его глазах горело холодное презрение:

— Король утвердил наш брачный союз. Аурелия принесет моей армии южные провинции и верховное командование гвардией. Ты стоишь на моем пути.

Он отвернулся к камину, и отсветы пламени легли на его жесткий профиль.

— За рекой стоит империя Корсар, Элеонора. Три корпуса пехоты и новые осадные бомбарды. Когда они двинутся, корона будет молиться на мои заводы и мою гвардию — больше ей молиться не на что. Я не позволю стране сгореть из-за того, что древний эдикт привязал рудники к болезненной девочке с вышивкой. Большая война спишет одну тихую смерть. История меня оправдает.

— Мы венчаны в главном храме Света! Закон запрещает развод без согласия моего рода!

— Твоего рода больше нет, Элеонора. Твой отец погиб в степи. Твои братья сгнили в осаде. Ты последняя из рода Ливен. И ты владеешь семьей рудниками с серебряными и железными жилами на северном хребте.

Герцог подошел вплотную и жестко сжал пальцами ее подбородок.

— По эдикту первого монарха эти земли принадлежат роду Ливен до тех пор, пока жива хотя бы одна женщина этой крови. Разведемся — рудники уйдут короне. Мои оружейные заводы встанут без чугуна. Поэтому развода не будет. Ты уедешь на север и тихо угаснешь от сырости. Закон гласит: имущество умершей бездетной жены переходит в вечное владение ее вдовца. Постарайся сдохнуть без шума.

Затем были три недели бесконечной пытки.

Закрытая дорожная карета без рессор. Каменистый серпантин, промерзлая осенняя грязь под колесами. Служанка Марта, которая трижды в день подавала кружку с теплым отваром: «Пейте, госпожа, травы облегчат грудь».

К концу пути тело Элеоноры превратилось в обтянутый кожей скелет. Сердце спотыкалось, пальцы посинели, легкие хрипели при каждом вздохе. В форпост Белый Утес ее занесли на носилках и бросили в сырой башне старого арсенала.

И в этой точке две жизни захлестнулись в один узел. Сердце умирающей дворянки оставалось. В ту же секунду электрический разряд перенес сознание Веры Даниловой в остывающее тело.

* * *

Привкус старой меди и горьких косточек дикой сливы лег на горло тяжелым осадком.

Вера открыла глаза. Сердце в грудной клетке дернулось с задержкой: глухой толчок, пауза, два частых смазанных удара о ребра. Каждый вдох отзывался в легких сухой одышкой, словно бронхи засыпали мелким речным песком.

Она лежала на топчане под пыльным шерстяным одеялом. С грубых балок потолка свисали серые космы паутины. Из узкой бойницы в стене сквозило сырым осенним туманом. В воздухе пахло мокрой побелкой, застарелой сыростью из ночного горшка и прелой соломой.

— Пейте, госпожа. Остынет ведь, потом горло перехватит.

Справа от кровати стояла девка в засаленном холщовом чепце. Ее короткие пальцы с черной каймой под ногтями вцепились в глиняную плоску. От мутной жижи поднимался тонкий белесый пар. Запах сухой ромашки глушил другой аромат: горькую миндальную сладость ледвянита и характерную терпкость перетертых семян сердцевянки.

Вера попробовала шевельнуть пальцами правой руки. Кожу покалывало сотнями мелких игл. Ногтевые ложа отливали пепельной синевой.

«Спазм мелких сосудов. Блокада дыхания тканей в паре с сердечным ядом накопительного действия. Сбор составлен специально на медленное угасание за несколько суток».

Названия всплыли сами собой — из унаследованной памяти Элеоноры, из обрывков речей здешних травников. И тут же разум Веры разложил чужие слова по знакомым полкам: ледвянит глушит дыхание тканей, сердцевянка бьет по сердечной мышце накопительной отравой. Два знания легли одно на другое без зазора. За каждой местной травой или кристаллом рудной соли Вера теперь видела скрытую природу вещества и картину поражения — так же ясно, как ярлыки препаратов в своей прежней лаборатории. Этот дар слияния двух памятей стоил дороже любой родовой магии.

— Что в плошке, Марта? — Вера разлепила потрескавшиеся губы. Голос прозвучал хрипло, со свистящим металлическим присвистом.

Служанка нервно дернула правым плечом. Взгляд девки скользнул по полу, задержавшись на кованом сундуке в углу.

— Обычный сбор от грудной лихорадки, милостивица. Гарнизонный травник дед Онуфрий лично принес на рассвете. Велел поить до капли, пока тепло держится.

— Кто платит Онуфрию?

Марта вздрогнула. Пальцы девки судорожно сжались, бурые капли плеснули через край плоски на ее серый передник.

— Что вы такое городите, госпожа? Бредите опять. Пейте давайте. Мне еще котлы на кухне скоблить.

Служанка наклонилась ниже. Ее левая рука с неожиданной силой вцепилась Вере в волосы на затылке, вдавливая голову в жесткий тюфяк. Правой рукой Марта поднесла край глиняной посуды прямо к зубам Веры, пытаясь разжать их ребром черепка. От девки разило дешевым чесночным салом и кислым потом.

Вера сберегла кислород в легких, уперлась левой пяткой в край деревянной рамы кровати и резко ударила правым кулаком снизу вверх по донышку плоски.

Удар пришелся точно в центр. Глиняный сосуд вылетел из пальцев служанки. Темный отвар выплеснулся Марте прямо на горло и вырез рубахи. Черепки с сухим хрустом ударились о каменные плиты пола, разлетевшись на острые куски.

Марта взвизгнула, отшатнулась к сундуку и прижала ладони к ошпаренной груди.

— Ах ты тварь беглая! — рявкнула служанка. Почтительный тон слетел с нее в одну секунду. — Тыфу на тебя! Герцог велел закончить дело до полуденного колокола. Ему гонца в столицу снаряжать с грамотой о твоей кончине. А ты тут руками машешь!

Вера опустила босые ноги на плиты. Холод гранита врезался в подошвы, пробивая ступор. Мышцы бедер мелко дрожали от слабости, в затылке пульсировала тупая боль, но сознание оставалось ясным.

— Сколько золота он посулил тебе за мой труп? — спросила Вера, цепляясь ладонью за спинку топчана.

Марта зло оскалила мелкие желтые зубы.

— Пятьдесят крон звонкой монетой. И место старшей экономки в столичном доме на площади Пэров. Так что ложись обратно на тряпки, благородная падаль. По-хорошему пить не захотела, значит, подушкой прижму. Десять минут похрипишь, зато я к вечеру вольной стану.

Девка шагнула к тяжелому дубовому столу у окна, на котором лежал широкий тесак для нарезки сала.

Времени оставалось в обрез. Утренняя порция яда уже частично всосалась через слизистую желудка. Сердце пропускало каждый четвертый удар. В ушах нарастал тонкий звон. Если не удалить токсины из пищеварительного тракта в ближайшие минуты, начнется фибрилляция желудочков.

Вера метнулась к широкому очагу. Дрова там прогорели с вечера. На кирпичном поду лежала серая горка древесной золы и куски обугленных березовых поленьев.

Она схватила с лавки медный кувшин с мыльной зольной водой, заготовленной для стирки, опрокинула пузатый глиняный ковшик с очажной золой прямо в кувшин и сунула два пальца в глотку, доставая до самого корня языка.

Рвотный спазм вывернул внутренности. Вера упала на колени перед медным тазом, извергая темную желудочную слизь с хлопьями непереваренного ядовитого отвара. Горло обожгло желчью.

Сразу после этого Вера подхватила кувшин обеими руками и сделала несколько больших жадных глотков темной угольной взвеси. Крупинки скрипели на зубах, забивали десны, но пористый древесный уголь уже начал впитывать остатки отравы в пищеводе и желудке.

Марта стояла посреди покоя с ножом в правой руке. На ее лице брезгливость боролась с изумлением.

— Сдурела баба, — пробормотала служанка. — Угли жрет, как собака бешеная.

Марта повернулась к тяжелой дубовой двери и заорала во всю глотку:

— Бран! Эй, увалень хромой, тащи задницу сюда! Помощь нужна!

Тяжелый железный засов снаружи скрежетнул о скобу. Дверь распахнулась с протяжным визгом петель.

На пороге возник караульный. Низкорослый, с широкими покатыми плечами, затянутыми в засаленный стеганный поддоспешник. Поверх висела кольчужная рубаха с выбитыми звеньями на правом боку. Правая рука солдата сжимала древко короткого пехотного копья. Левая рука была подвязана к груди грязной холщовой косынкой, сквозь которую проступали бурые пятна сукровицы. От мужчины разило лежалым навозом и сладковатым духом гниющего мяса.

— Чего глотку дерешь, Марта? — хрипло бросил солдат. Его мутные серые глаза с трудом сфокусировались на служанке.

— Хозяйка подыхать отказывается! — Марта ткнула тесаком в сторону Веры. — Посуду перебила, золы наглоталась, на ногах стоит. Держи ей руки за спиной, я периной рот зажму. Пятьдесят крон пополам поделим, как старший ключарь обещал. Купишь себе домишко под стеной, руку свою вылечишь.

Бран тяжело переступил порог. Левую ногу он волочил за собой, подошва стоптанного сапога шуршала по пыльному камню. Каждое движение отдавалось в его лице судорожной гримасой: щека дергалась, угол рта уходил вниз.

Вера вытерла черный угольный налет с губ подолом ночной рубахи. Она медленно поднялась с колен, опираясь ладонью о край холодной печи. Дыхание выравнивалось. Уголь забирал токсины, пульс становился ровнее.

— У тебя остеомиелит лучевой кости, караульный, — произнесла Вера. Голос звучал тихо и сухо.

Бран замер на месте. Наконечник его копья опустился к полу.

— Чего ты мелешь, баба? — глухо спросил он.

— Стрела попала тебе в руку три луны назад, — Вера сделала шаг вперед, глядя прямо в воспаленные глаза солдата. — Железный наконечник местный костоправ выдернул клещами.

Медную обмотку оставил внутри, плотную у надкостницы. Теперь кость крошится, образуя свищевые ходы.

Бран шумно втянул воздух через ноздри. Челюсти стражника сжались с такой силой, что на висках вздулись желваки.

— Откуда знаешь про медь? — прохрипел он.

— Запах, — Вера указала пальцем на его перевязанное предплечье. — Глубинное гниение тканей вокруг старой меди пахнет тухлой капустой и болотной ржавчиной. Этот запах ни с чем нельзя перепутать. Твой травник Онуфрий сыпет на рану толченый сушеный коровяк и поит тебя настоем ядовитого вдовоцвета. Он говорит тебе, что это кара духов за грехи на южной войне.

Стражник молчал. Копье в его огрубевших пальцах мелко подрагивало.

— Боль поднимается к локтю и подмышке каждую ночь, — продолжила Вера размеренным тоном. — Пальцы левой руки уже потеряли чувствительность, стали деревянными. На следующей неделе отек перейдет на плечевой сустав. Затем начнется заражение крови, поднимется черный жар, и через четверо суток тебя закопают за северной стеной форпоста в безымянной яме. Герцог Вальден не платит жалование гниющим калекам. Он списывает их в расход, какдохлых мулов.

— Ведьма! — взвизгнула Марта, пятаясь к окну. — Бран, она тебе мозги сушит! Бей ее пером копья в живот, пока силу не набрала! Коли, кому говорю!

— Закрой пасть, девка, — оборвал стражник. Он даже не повернул головы в сторону служанки. Взгляд его серых глаз впился в лицо Веры. — Онуфрий сказал, надо терпеть. Сказал, кровь черная сама выйдет, если принести жертву в святилище на Праздник Снопа.

— До праздника ты сгниешь, — Вера подошла к столу. Она протянула руку и взяла с деревянной поверхности тесак, который бросила Марта. Держала уверенно, за рукоять, оценивая баланс лезвия. — В кладовой под этой башней стоят бочки с отваром чистотела и мешки с белым целебным камнем. Принеси мне чистый холст, три железных крючка для вязания сетей, кувшин с кипятком и каменную соль. Я вскрою свищ, вычищу осколки меди и промою рану очистным настоем. Твоя рука останется при тебе. Ты сможешь держать щит.

Бран медленно перевел взгляд со своего гниющего предплечья на служанку. Марта стояла у стены, вжав голову в плечи. Ее руки нервно теребили засаленный чепец.

— Она тебя обманет, дурень! — зашипела служанка. — Она слабая баба, муж ее выкинул из столицы, как паршивую овцу! Какое лечение? Ее саму к вечеру закопают!

Бран тяжело переступил с ноги на ногу. Его правая рука напряглась. Он резко развернул древко копья тупым концом вперед и со всего размаха ткнул Марту в солнечное сплетение.

Служанка охнула, согнулась пополам и рухнула на колени, хватая ртом воздух.

— Вязать ее? — коротко спросил солдат, глядя на Веру.

— Сними с нее пояс, — распорядилась Вера. — Свяжи запястья за спиной. Заткни рот сухой тряпкой и запри девку в нижнем чулане под лестницей. Если станет шуметь — ударь рукоятью ножа по затылку.

Бран выполнил приказ. Он заломил руки Марты назад, стянул их сыромятным шнуром от ее же юбки, запихнул ей в рот угол головного платка и рывком вздернул за шиворот на ноги. Служанка мычала, пытаясь лягаться башмаками, но солдат вытолкнул ее в темный коридор башни и захлопнул дубовую дверь чулана, опустив железный брус.

Через пять минут Бран вернулся в комнату. Он принес охапку сухого березового луба, глиняный горшок с кипящей водой из котла на первом этаже, кусок белого холста и деревянную плоску с сероватыми кусками кипельного камня.

— Нашел в кладовой у повара, — сказал он, опустив поклажу на стол. — Белый камень для побелки держат. Соль здесь же, крупная, серая.

Вера подошла к столу. Она осмотрела принесенные материалы. Взяла кусок белого камня, растерла пальцами. Сухой, едкий, свежего обжига.

— Брось три камня в плошку с холодной водой, — приказала она. — Отойди на шаг, пар будет ядовитым.

Камень зашипел в воде, выплескивая пузыри густого белого пара. Вода в глиняной посудине бурно вскипела, разогревая стенки. В воздухе запахло горячей зольной свежестью.

Вера взяла нож, поднесла лезвие к огню горящей лучины, прокалив металл до синевы.

— Садись на лавку, Бран. Положи руку на стол ладонью вверх.

Солдат опустился на дубовую скамью. Он зубами развязал узел повязки на левом предплечье. Тряпка отошла от кожи с мокрым звуком, обнажив багровую плоть. В центре предплечья зияло отверстие с неровными краями, из которого сочился серо-зеленый гной с примесью сукровицы. Кожа вокруг свища пылала жаром.

Вера провела пальцами по краю раны, нащупывая уплотнение костной ткани.

— Держись за край стола, — предупредила она. — Зубы сожми. Орать нельзя. Услышат на вышке — придут проверять.

Бран кивнул, ухватился правой рукой за край столешницы и зажмурился.

Вера сделала точный продольный разрез вдоль линии свища, вскрывая карман с гнойным содержимым. Клинок вошел в воспаленную ткань на глубину в полтора сантиметра. Бран глухо зарычал через нос, но остался неподвижен.

Густой гной хлынул на дубовую доску стола. Вера прижала край раны чистым куском льняного холста, останавливая венозную кровь. Затем взяла прокаленную железную иглу, аккуратно погрузила кончик в глубину раневого канала и провела металлом по поверхности кости.

Раздался сухой скрежет: острие коснулось твердого препятствия.

— Нашла, — выдохнула Вера.

Она осторожно подвела острие иглы под застрявший фрагмент, поддела его и вытолкнула наружу. На льняную ткань выпал позеленевший от болотной ржавчины кусок расплюсненной проволоки. Рядом с ним легли два мелких серых осколка разрушенной кости.

— Вот твоя порча, караульный, — Вера показала ему кусок металла.

Бран открыл глаза. По его бледному лицу крупными каплями стекал пот. Он тяжело дышал, глядя на зеленую медь.

Вера взяла отстоявшуюся прозрачную светлую воду из плошки, соединила ее с крутым соляным кипятком и промыла раневую полость. Жидкость смывала остатки гноя, прижигая мелкие сосуды. Рана очистилась до живой алой ткани.

Она плотно затампоновала разрез полосками холста, пропитанными порошком древесного угля и солью, после чего туго забинтовала предплечье чистым сукном.

— Руку держи на перевязи, — сказала Вера, вытирая пальцы об угол фартука. — К вечеру спадет жар. Завтра промоем свежим отваром дубовой коры. Дней через десять возьмешь в эту руку топор.

Бран поднялся со скамьи. Он посмотрел на перевязанную руку, потом перевел взгляд на Веру:

— Кто ты такая, госпожа? Настоящая герцогиня из столицы при виде дохлой курицы в обморок падала. А ты руками в гнилое мясо лезешь и глазом не моргнешь.

— Я та, кто сохранит твою жизнь, если ты будешь держать язык за зубами, — отрезала Вера. — Где вещи Марты?

— В сундуке под лестницей, — Бран подобрал свое копьё здоровой рукой. — У нее там ларец с кованым замком. Она его из столицы везла, никому трогать не давала.

— Веди.

Они спустились по винтовой лестнице в полутемный каменный подвал башни. Воздух здесь был ледяным, пахло квашеной капустой и мышиным пометом. Из чулана доносилось глухое мычание связанной Марты: девка колотила пятками в дубовую дверь.

В углу под лестничным пролетом стоял тяжелый ларь.

— Сбей замок, — приказала Вера.

Бран примерился, поднял железный засов и с одного короткого удара снес навесную дужку. Крышка ларя с грохотом откинулась назад.

Вера опустила на колено и принялась методично перебирать содержимое. Сверху лежали шерстяные платки, три серебряных ложки с чужими вензелями, связка сушеных грибов и холщовый мешочек с медными монетами.

На самом дне лежал узкий футляр из темно-коричневой кожи.

Вера открыла защелку. Внутри на бархатной подложке покоились три стеклянных флакона темного стекла, залитые сургучом. На сургуче стоял четкий оттиск личной печати: горящий факел, обвитый змеей. Родовой знак главного алхимика дома Вальденов.

Она поднесла флакон к носу, сколупнув ногтем краешек сургуча. Тот же запах: густая вытяжка сердцевянки с кристаллами ледвянита. Одного такого флакона хватило бы, чтобы уложить целый пехотный взвод.

Рядом с флаконами лежал сложенный вчетверо пергаментный лист. Вера развернула его. Почерк был ровным, ледяным, с длинными росчерками:

«Марте. Доведи дело до конца к первому дню осеннего равноденствия. Тело оставить в холодной часовне до прибытия королевского дознавателя. Свидетельство о скоропостижной кончине от грудной жабы подписать у гарнизонного лекаря. За верность получишь волюнию и расчет. Р. В.»

Родриг Вальден. Муж, который хладнокровно спланировал убийство собственной супруги ради рудников.

Вера спрятала флаконы и письмо во внутренний карман своей плотной шерстяной душегреи.

— Кто командует форпостом? — спросила она, поднимаясь на ноги.

— Капитан Грорт, — ответил Бран. — Пьяница и трус. Герцог сослал его сюда пять лет назад за растрату полковой казны. Грорт из своей комендатуры носа не кажет, пока обоз с вином не придет. Всем заправляет Онуфрий, лекарь.

— Где сейчас Грорт?

— В караулке у главных ворот. Хмель вчерашний вылеживает.

Договорить солдат не успел.

Снаружи, со стороны сторожевой башни, раздался протяжный, надрывной вой медного боевого рога. Звук повторился трижды: короткий, длинный, отрывистый. Сигнал высшей боевой тревоги.

Следом за рогом послышался глухой топот десятков подкованных копыт, разрывающих промерзшую грязь тракта. Земля под ногами мелко задрожала.

— Черные плащи, — выдохнул Бран, побледнев. — Всадники Тайной канцелярии. Они идут через перевал только тогда, когда в провинции пахнет государственной изменой.

Вера бросилась вверх по винтовой лестнице на караульную площадку второго яруса башни. Бран, припадая на больную ногу, поспешал следом.

С высоты стены открывался вид на подступы к форпосту.

Серое осеннее небо висело над скалами рваными клочьями. По узкой каменистой дороге на полном скаку летел конный отряд. Двенадцать всадников на рослых вороных жеребцах северной породы. На каждом всаднике был глухой стальной шлем без плюмажа и длинный угольно-черный плащ, подбитый серым волчьим мехом. Впереди отряда несли знаменосец с узким штандартом: серебряный сокол, держащий в когтях сломанный меч.

Личный герб принца Дамиана, верховного дознавателя короны и родного брата правящего монарха.

Отряд шел плотным клином, не сбавляя скорости перед подъемным мостом форпоста. Лошади хрипели, из ртов животных летела розовая пена.

В центре клина скакал рослый широкоплечий офицер. Он держался в седле неестественно прямо, его голова была опущена к гриве коня. Из-под распахнутого черного плаща на груди тускло поблескивала стальная кираса. Прямо в стык пластин под левой ключицей торчал обломок короткого арбалетного болта с темным оперением. Вокруг раны сукно мундира промокло от густой черной крови.

— Ворота! — заорал передний всадник, осаживая коня у самого рва. Жеребец встал на дыбы, взбивая копытами мерзлые комья земли. — Именем короны, опустить мост! Его высочество ранен! Живо, псы гарнизонные, или мы выломаем створки тараном!

На стенах форпоста началась суматоха. Горстка солдат бестолково металась по мосткам, роняя копыя. Из комендатуры выскочил капитан Грорт в незастегнутом камзоле, путаясь в ножнах палаша.

— Опускай! — орал капитан, махая руками караульным у лебедки ворот. — Опускай мост! Это же брат короля! Нас всех казнят!

Тяжелые цепи загремели. Подъемный мост с глухим ударом рухнул на край рва.

Отряд влетел во внутренний двор форпоста единой лавиной. Кони скользили по мокрой брусчатке, разбрасывая брызги грязи.

Всадник с обломком стрелы покачнулся в седле. Пальцы офицера разжались, поводья выскользнули из рук. Мужчина тяжело завалился набок и рухнул с коня прямо в раскисшую глину двора, под копыта осажденных жеребцов.

К нему бросились двое гвардейцев в черных плащах, поднимая командира за плечи.

Из казармы выбежал старик в засаленном балахоне лекаря. В руках он держал деревянную шкатулку с амулетами и глиняную склянку. Онуфрий.

— Расступитесь! — заголосил лекарь, расталкивая воинов локтями. — Я служитель Света! Я очищу скверну!

Старик упал на колени перед лежащим без движения принцем, сорвал с пояса серебряный колокольчик и принялся трясти им над лицом раненого, бормоча заупокойный заговор. Затем Онуфрий достал из шкатулки щепоть серого светящегося порошка — слабой целительской маны — и втер ее прямо в открытую рану вокруг торчащего обломка стрелы.

Реакция последовала незамедлительно.

Раненая плоть под кирасой зашипела. Из отверстия повалил густой едкий дым с запахом жженого пера и серы. Кровь принца превратилась в грязно-зеленую пену. Тело Дамиана выгнулось дугой, на губах выступила кровавистая накипь, а вены на шее вздулись багровыми жгутами.

Магический порошок вступил в бурную реакцию с ядом, разрушая ткани с бешеной скоростью.

— Проклятие древних! — взвыл Онуфрий, в ужасе отпрянув назад на четвереньках. — В нем темный бес сидит! Магия Света отвергнута! Он умрет до заката!

Один из черных гвардейцев с лязгом выхватил широкий палаш и приставил острие к горлу лекаря:

— Спасай его, пададь! Если лорд Дамиан умрет, я сниму с тебя шкуру прямо на этих воротах!

— Не могу я! — верещал старик, закрывая лицо руками. — Яд магический, кровь горит! Здесь только верховный жрец поможет!

Вера стояла на галерее второго яруса. Она видела каждую деталь происходящего внизу: цвет пены на губах принца, судороги шейных мышц, бурю окраску оперения арбалетного болта.

«Кровяной яд пустынной ехидны, закрепленный солями зольмы. Целительский порошок старика содержал белый лунный шпат. Смешение дало сильнейший внутренний ожог и многократно ускорило ход отравы по жилам. До остановки дыхания осталось меньше семи минут».

Вера повернулась к Брану.

— Возьми из моей комнаты чистый нож, кислый рассол и медную трубку от курильницы. Живо. Вниз, за мной.

Она сбегала по деревянной лестнице во двор, перешагивая через две ступени.

Двор форпоста гудел, как потревоженный улей. Солдаты жались к стенам, гвардейцы Тайной канцелярии держали клинки наголо, капитан Грорт бессмысленно хватал себя за уши.

Вера вышла на середину двора. Грязь чавкнула под ее башмаками.

— Уберите оружие, — произнесла она громко и холодно.

Гвардейцы оглянулись. Перед ними стояла бледная женщина с темными волосами, в простой холщовой сорочке и шерстяной душегрее, с пятнами сажи на щеке и следами угля вокруг губ.

— Пошла прочь, женщина! — рявкнул офицер с палахом. — Здесь умирает член королевской семьи!

— Он умирает оттого, что ваш лекарь — безграмотный скот, — Вера подошла вплотную, не обращая внимания на направленное в ее грудь острие. — Онуфрий засыпал в рану белый шпат. Шпат вступил в спор с зольмой из яда. Раневой канал сейчас горит изнутри, словно в горне. У принца начинается отек гортани, и он задохнется собственной пеной через пять минут.

Офицер моргнул. Уверенность и страшные незнакомые слова подействовали на него сильнее обнаженного клинка.

— Ты кто такая? — хрипло спросил он, опуская палаш на дюйм.

— Элеонора Вальден, — отчеканила Вера. — Хозяйка этой крепости. Отойди в сторону, если не хочешь везти в столицу труп королевского брата.

Она шагнула вперед и опустила на колени прямо в холодную жижу двора рядом с Дамианом.

Лицо мужчины было правильным, с хищными чертами, волевым подбородком и темными бровями, сросшимися на переносице. Кожа стала пепельно-серой, веки мелко вздрагивали, открывая полоски закатившихся белков.

Вера рванула ворот его мундира, срывая серебряные пуговицы с соколами. Рубаха под кирасой была насквозь пропитана кровью и черной гарью от целительского порошка.

Подоспел Бран, тяжело дыша и протягивая ей сверток с инструментами.

— Держите его за плечи, — приказала Вера гвардейцам. — Вчетвером. Навалитесь всем весом. Если он дернется во время надреза, я пробью плевральный мешок.

Двое воинов молча упали на колени, прижимая плечи принца к земле. Третий навалился на его ноги.

Вера взяла прокаленный нож. Точным, сильным движением она рассекла ткани вокруг торчащего обломка болта крест-накрест, расширяя раневой вход. Черная кровь хлынула наружу, освобождая сдавленные сосуды.

Принц глухо застонал сквозь стиснутые зубы. Тело его напряглось, жилы на шее натянулись канатами, но гвардейцы держали мертвой хваткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.